

ОПРЕДЕЛЕНИЕ
КОЛЛЕГИИ СУДЕЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА КЫРГЫЗСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

об отказе в принятии к производству обращения
Жаныбекова Нурсултана Жаныбековича и Матцакова Самата Аскаревича

8 июля 2026 года

город Бишкек

Коллегия судей Конституционного суда Кыргызской Республики в составе: Шаршеналиева Ж.А., Жолдошевой Л.Ч., Кыдырбаева К.Дж., при секретаре Ибраимовой А.М., рассмотрев обращение Жаныбекова Н.Ж. и Матцакова С.А.,

У С Т А Н О В И Л А:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 23 июня 2026 года поступило обращение Жаныбекова Н.Ж. и Матцакова С.А. о проверке соответствия пункта 1 статьи 1, пунктов 3, 4 статьи 2 Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики (в Уголовный кодекс Кыргызской Республики, Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики)» от 22 января 2024 года частям 1, 2, 3 статьи 6, части 2 статьи 23, части 3 статьи 24, статье 55, части 2 статьи 56 и части 1 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики.

Как следует из обращения, оспариваемыми положениями внесены изменения в часть 1 статьи 57 Уголовного кодекса Кыргызской Республики (далее – УК), часть 2 статьи 505 и часть 1 статьи 507 Уголовно-

процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее – УПК), регулирующие освобождение от уголовной ответственности и прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон.

В частности, пунктом 1 статьи 1 указанного Закона часть 1 статьи 57 УК изложена в редакции, согласно которой освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением сторон не допускается в случаях, затрагивающих интересы общества и государства. Пунктами 3 и 4 статьи 2 этого же Закона внесены изменения в часть 2 статьи 505 и часть 1 статьи 507 УПК, предусматривающие возможность достижения примирения сторон и прекращения дела по делам о преступлениях небольшой тяжести и менее тяжких преступлениях.

По мнению заявителей, оспариваемое регулирование содержит признаки правовой неопределенности, поскольку не устанавливает четких критериев применения формулировки «случаи, затрагивающие интересы общества и государства». Как они полагают, отсутствие таких критериев создает риск неоднозначного правоприменения и фактически исключает возможность судебной проверки условий примирения сторон по отдельным категориям дел.

Авторы обращения указывают, что в результате внесенных изменений преступления, предусмотренные статьей 154 «Изнасилование» и статьей 155 «Насильственные действия сексуального характера» УК, фактически выведены из сферы применения института примирения сторон, что, по их мнению, свидетельствует о сужении ранее существовавшей возможности сторон ставить перед судом вопрос о прекращении уголовного дела по данному основанию. Особое внимание заявители обращают на часть 1 статьи 154 УК, полагая, что оспариваемое регулирование в системной взаимосвязи с изменениями, внесенными в статьи 505 и 507 УПК, лишает суд возможности индивидуально оценить добровольность примирения, отсутствие давления, возмещение вреда, восстановление нарушенных прав потерпевшего лица,

безопасность потерпевшей стороны и соответствие прекращения дела публичному интересу.

Заявители подчеркивают, что не отрицают обязанность государства обеспечивать защиту потерпевших, их достоинства, безопасности, половой свободы и половой неприкосновенности. Вместе с тем, по их мнению, законодатель, преследуя указанную легитимную цель, избрал чрезмерный, неопределенный и фактически абсолютный механизм правового регулирования, при котором институт примирения сторон исключается без учета обстоятельств конкретного дела.

По мнению заявителей, институт примирения сторон не предполагает автоматического освобождения лица от уголовной ответственности, а должен применяться только при наличии судебной проверки всех юридически значимых обстоятельств. Между тем оспариваемые положения, как они считают, исключают такую проверку, вследствие чего судебная защита приобретает формальный характер.

Кроме того, заявители утверждают, что оспариваемое регулирование затрагивает не только права обвиняемого, но и процессуальные возможности потерпевшего лица, поскольку последнее лишается возможности поставить перед судом вопрос о добровольном, осознанном и безопасном примирении, если считает, что причиненный вред возмещен, конфликт исчерпан, а дальнейшее уголовное преследование не отвечает его интересам.

Таким образом, по мнению заявителей, оспариваемое регулирование не согласуется с конституционными гарантиями признания и защиты прав и свобод человека, требованиями допустимости и соразмерности их ограничения, недопустимости принятия законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека, равенства мужчин и женщин в правах, свободах и возможностях их реализации, а также права каждого на судебную защиту.

На основании изложенного заявители просят признать оспариваемые положения не соответствующими частям 1, 2, 3 статьи 6, части 2 статьи 23,

части 3 статьи 24, статье 55, части 2 статьи 56 и части 1 статьи 61 Конституции в той мере, в какой они вводят абсолютный запрет на прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон без установления четких критериев такой категории дел и без предоставления суду возможности индивидуально проверить обстоятельства конкретного дела.

Коллегия судей, изучив ходатайство Жаныбекова Н.Ж. и Матцакова С.А., заслушав информацию судьи-докладчика Шаршеналиева Ж.А., проводившего предварительную проверку обращения и приложенных к нему документов, пришла к следующим выводам.

Обращение в орган конституционного контроля является одной из первоначальных этапов конституционного судопроизводства, на котором коллегия судей разрешает вопрос о принятии обращения к производству либо об отказе в его принятии с учетом наличия либо отсутствия предусмотренных законом оснований для начала конституционного судопроизводства.

При этом презумпция конституционности нормативных правовых актов предполагает их соответствие Конституции, а сомнения в их конституционности должны быть подтверждены убедительными правовыми доводами, свидетельствующими о наличии конституционно-правовой неопределенности либо противоречия между оспариваемым нормативным регулированием и конституционными предписаниями.

Из содержания обращения следует, что заявители связывают неконституционность пункта 1 статьи 1, пунктов 3 и 4 статьи 2 Закона Кыргызской Республики от 22 января 2024 года с тем, что внесенные изменения в статью 57 УК, статьи 505 и 507 УПК, закрепляя исключение для «случаев, затрагивающих интересы общества и государства» без установления четких критериев данной категории, фактически исключают возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 154 и 155 УК, без

предоставления суду возможности индивидуально оценить обстоятельства конкретного дела.

Между тем институт примирения сторон по своей правовой природе является специальным уголовно-правовым и уголовно-процессуальным механизмом освобождения лица от уголовной ответственности путем прекращения уголовного дела при наличии условий, прямо установленных законом. Данный институт не относится к числу конституционно гарантированных прав лица на безусловное прекращение уголовного преследования, а представляет собой установленное законодателем исключение из общего порядка реализации уголовной ответственности.

Данный вывод согласуется с положениями статьи 24 УПК, определяющей виды уголовного преследования. Согласно части 2 указанной статьи, к делам частного-публичного обвинения относятся уголовные дела о преступлениях небольшой тяжести и о менее тяжких преступлениях, а также о преступлениях, предусмотренных частью 1 статьи 154 и частью 1 статьи 155 УК. При этом следствие по делам частного-публичного обвинения начинается не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя и прекращается в связи с примирением сторон в соответствии со статьей 57 УК.

В системной взаимосвязи с указанным законодательным регулированием находится пункт 13 части 1 статьи 27 УПК, согласно которому, уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению при отказе потерпевшего от поддержания частного-публичного обвинения и (или) при достижении согласия обвиняемого с потерпевшим, в том числе с помощью медиатора, в соответствии с главой 58 УПК и в порядке, предусмотренном статьей 57 УК.

Следовательно, прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон по делам частного-публичного обвинения не носит безусловного характера, а поставлено законодателем в зависимость от соблюдения

специальных материально-правовых и процессуальных условий, установленных уголовным и уголовно-процессуальным законодательством.

В этой связи установление пределов применения института примирения сторон по отдельным категориям уголовных дел относится к сфере уголовно-правовой политики государства.

Как отмечалось в Решении Конституционного суда от 29 марта 2023 года, законодатель, основываясь на принципах правового государства и верховенства Конституции, имеет дискреционное полномочие по определению обязанности государства в области уголовно-правовой защиты провозглашенных конституционных ценностей, в том числе прав граждан, как при применении уголовной ответственности и наказания, так и при освобождении от них.

Уголовное законодательство направлено на охрану прав и свобод личности, интересов общества и государства от преступных посягательств, предупреждение преступности и восстановление социальной справедливости. Исходя из этих целей, законодатель вправе определять основания и пределы уголовной ответственности, а также условия применения отдельных институтов освобождения от уголовной ответственности, наказания либо его отбывания с учетом характера и степени общественной опасности соответствующих деяний, значимости охраняемых уголовным законом общественных отношений и необходимости обеспечения эффективной защиты потерпевших.

Следовательно, само по себе установление законодателем пределов применения института примирения сторон, в том числе исключение его применения по делам, затрагивающим интересы общества и государства, исходя из доводов обращения не позволяет усмотреть неопределенность в вопросе соответствия оспариваемых положений заявленным нормам Конституции.

Доводы заявителей о том, что оспариваемые положения лишают суд возможности индивидуально оценить добровольность примирения,

отсутствие давления на потерпевшее лицо, возмещение вреда и соответствие прекращения дела публичному интересу, фактически исходят из необходимости сохранения судебного усмотрения при применении института примирения по всем делам о преступлениях небольшой тяжести и менее тяжких преступлениях.

Между тем суд осуществляет правосудие в пределах и формах, установленных законом. Закрепление законодателем условий, при которых уголовное дело может быть прекращено в связи с примирением сторон, не означает ограничения судебной функции, поскольку такое регулирование лишь определяет пределы применения данного правового института.

Такое регулирование не лишает суд полномочий по рассмотрению уголовного дела, исследованию доказательств, установлению обстоятельств дела, оценке доводов сторон и принятию итогового процессуального решения в установленном законом порядке.

Более того, оспариваемые положения касаются не права лица на судебную защиту как такового, а условий применения одного из специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, при этом из доводов обращения также не усматривается, что из заявленных конституционных положений вытекает право на применение конкретного основания освобождения от уголовной ответственности либо прекращения уголовного дела, в связи с чем указанное законодательное регулирование не порождает конституционно-правовой неопределенности.

Относительно доводов заявителей о правовой неопределенности формулировки «случаи, затрагивающие интересы общества и государства», использованной в статье 57 УК, коллегия судей отмечает, что наличие в законе оценочных категорий не означает конституционно-правовой неопределенности. Как ранее подчеркивал Конституционный суд, сомнения в конституционности нормы должны быть обусловлены ее правовой неопределенностью, а не предположениями о возможном произвольном применении. В данном случае содержание указанной формулировки может

быть раскрыто в системной связи с целями уголовного закона, характером охраняемых общественных отношений и задачей обеспечения защиты потерпевших.

Следовательно, доводы заявителей о возможном неоднозначном применении оспариваемых положений, а также о необходимости сохранения за судом более широкого усмотрения при решении вопроса о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, не образуют обоснованного сомнения в конституционности соответствующего регулирования.

Вместе с тем, в представленном обращении не раскрыто, каким образом установленное законодателем ограничение применения института примирения сторон умаляет права и свободы человека и гражданина, признаваемые Конституцией. Заявителями не приведены правовые аргументы, позволяющие установить системную связь между оспариваемыми нормами и заявленными конституционными гарантиями в той мере, которая указывала бы на наличие конституционно-правовой неопределенности.

Таким образом, коллегия судей не усматривает неопределенности в вопросе соответствия оспариваемых положений заявленным нормам Конституции, в связи с чем приведенные заявителями доводы не могут быть признаны достаточными для принятия обращения к производству.

На основании вышеизложенного, руководствуясь частью 2, пунктами 1, 2, 4 части 3, частью 5 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», коллегия судей Конституционного суда Кыргызской Республики

О П Р Е Д Е Л И Л А:

1. Отказать в принятии к производству ходатайства Жаныбекова Н.Ж. и Матцакова С.А. о проверке соответствия пункта 1 статьи 1, пунктов 3, 4 статьи 2 Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений в некоторые

законодательные акты Кыргызской Республики (в Уголовный кодекс Кыргызской Республики, Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики)» от 22 января 2024 года частям 1, 2, 3 статьи 6, части 2 статьи 23, части 3 статьи 24, статье 55, части 2 статьи 56 и части 1 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики.

2. Возвратить представленные материалы заявителям.

3. Настоящее определение может быть обжаловано в Конституционный суд Кыргызской Республики в течение трех месяцев.

Коллегия судей:

Ж.А. Шаршеналиев

Л.Ч. Жолдошева

К.Дж. Кыдырбаев